

УДК 0241

А.А. Грякалов

«ЕВРАЗИЙСКИЙ ТЕКСТ»: ЛИНГВИСТИКА – СУБЪЕКТИВНОСТЬ – ОТКРЫТЫЕ ГОРИЗОНТЫ...

А.А. Gryakalov

“THE EUROASIAN TEXT”: LINGUISTICS – SUBJECTIVITY – THE OPEN HORIZONS...

Аннотация

В статье рассмотрена проблема евразийского текста как «порождающей модели» евразийского феномена в целом. Показаны теоретические и геополитические ориентиры стратегий идентификации. Евразийская идея понята в ее соотносительности с идеями русского космизма. Сделан вывод о том, что актуальная идентификация личностей и этносов может осуществляться только в соотношении с фондом социальной памяти России в евразийском контексте. Славянский структурализм с его онтологическим пониманием структуры и интересом к жизненным ландшафтам существования представлен как методологическая основа евразийского движения.

Ключевые слова

ЕВРАЗИЙСТВО, ТЕКСТ, СЛАВЯНСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ, РУССКИЙ КОСМИЗМ, СООБЩЕСТВА, ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ, ПЕРСОНОЛОГИЯ, ПОСТГЛОБАЛЬНЫЙ МИР, ИДЕНТИФИКАЦИЯ.

Abstract

In article the problem of the Euroasian text as “generating model” Euroasian phenomenon as a whole is considered. Theoretical and geopolitical reference points of strategy of identification are shown. The Euroasian idea is understood in its correlation to ideas of Russian kosmizm. The conclusion that actual identification of persons and ethnoses can be carried out only in correlation with fund of social memory of Russia in the Euroasian context is drawn. The Slavic structuralism with its ontologic understanding of structure and interest to vital landscapes of existence is presented as a methodological basis of the Euroasian movement.

Keywords

EVRAZIYSTVO, TEXT, SLAVIC STRUCTURALISM, RUSSIAN KOSMIZM, COMMUNITIES, TOPOLOGICAL REFLECTION, PERSONOLOGIYA, POST-GLOBAL WORLD, IDENTIFICATION.

Идентичность и субъективность устанавливаются в соответствующем социокультурном контексте, где принципиально важны имеющиеся программы идентификации и формирования субъективности. Структурную целостность фрагментарному множеству придает соответствующий текст: политика, философия и культура именно в тексте «достраиваются до сферы» (М.М. Бахтин). Поэтому осмысление современности – последовательный опыт (схематика) и рефлексия *формы, текста и письма*¹. Очевиден

предельный текстоцентризм современности – она позиционирует себя в совокупности текстов.

текста необходимо сливается с практикой письма» [1, с. 415, 422]. *Письмо* дает возможность *видеть* соотносительность языка и истории. Структура как «формальное единство смысла и формы» в письме разворачивается: «письмо творит смысл, записывая его, поверяя его гравюре, борозде, рельефу, поверхности... Письмо как начало чистой историчности, чистой традиционности есть лишь телос истории письма, философия которой еще должна прийти» [2, с. 22]. «Воля писать» вводит мысль в состояние «воли к бытию» и ответственность за призвание «чистого слова» – наследуется мысль Хайдеггера о «чистом слове», которое нельзя мыслить «в прямоте его сущности» как знака или значения.

¹ «Текст – это такое социальное пространство, где ни одному языку не дано укрыться и ни один говорящий субъект не остается в роли судьи, хозяина, аналитика, исповедника, дешифровщика; теория

Этот интерес к тексту в социальном и геополитическом плане может быть поставлен в соответствие с ростом интереса к расположению и пространству, причем речь идет не только о природном ландшафте или политических метафорах, но в целом о росте значимости соотношений и сопоставлений. В «славянском структурализме», генетически и теоретически соотношенном с феноменом *евразийства*, актуализировано именно «пространство», способное тем или иным образом становиться во времени, сохраняя изначальную расположенность. «В 1930-е годы одно из наиболее настойчивых утверждений Якобсона — это подчеркивание специфического „пространственного фактора”, который, как он считает, определяет отношения не только между языками, но и между культурами научного исследования» [3, с. 39]. Выстраивается особая «метафизика пространства»: «фонология и месторазвитие».

Идея внутренней соотношенности языка и территории «вписывается» в длительную традицию, восходящую к Платону и Аристотелю. *Изоглосса* соотносена с *местом* и *антропологией*: «каждый человек призван занять свое место и воплотить в человеческом граде ту гармоническую пропорцию, которая свидетельствует о присутствии Бога во Вселенной, однако народ в целом должен не столько приспособиться к окружающим условиям, сколько *признать* свое подлинное место на Земле — не пытаясь, к примеру, выйти из состава великой Империи, чья территория соответствует *естественным границам*» [Там же. С. 238]. *Соотнесение* и *увязка* выступают как формы междисциплинарного видения науки и — самое главное — служат основаниями для «нового образа мира» (П. Савицкий). «Какие цели завоевывать? Порядок (в отличие от имевшего место в прошлом, когда выше всего ценилось сырье и люди) следующий: пространство как таковое, люди (кадры для работ, доноры органов и пр.), вода и только после нее — сырье и культурные ценности» [4, с. 55]. Именно текст соединяет разрозненные и порой противоречивые фрагменты в последовательную целостность.

Сегодня политическая и культурная привлекательность *евразийства* порождена ситуацией — важен интегрирующий конструктивный смысл. Можно говорить о постоянном производстве продуктивной схемы *евразийства*: в

настоящее время не так много идей, способствующих «сборке» современного фрагментарного социума. Но, конечно же, сознание повседневности озабочено отнюдь не глобальными политическими проектами: анализ обыденного сознания фиксирует ощущение роста *чужого* присутствия в России. Рост переживания замечен в сравнении с недавним «советским временем»: очевидны внедрение и автономизация «чужих языков» и «фигур» — тема *своего другого* (человека) все более вытесняется темой *чужого* (человека) *в своем* (доме). К тому же интегративные процессы на *евразийском* пространстве протекают с разными скоростями и монтируются из разных смысловых модулей — идентификационные самоопределения сообществ идут в ситуации активного этногенеза. Высказываются положения, согласно которым актуализация «туранского элемента», свойственная *неоевразийству*, порождает очевидный крен в сторону «азиатского компонента» — в идентификационных разметках «Запад — Россия — Восток», «Россия — Евразия», «Русь — Россия — Евразия» в очередной раз актуализировано предупреждение: *евразийство* рассматривается как «смещение» темы *России* — *евразийский* проект предстает принципиальной схемой вытеснения. Не в последнюю очередь именно отсутствие в информационных потоках объективного «евразийского взгляда» смещает сознание в сторону пассивного приятия идей «сокращения» России, когда она начинает восприниматься в виде усеченной микро-России («*Московопетербургия*»). Расшифровка проста: первое слово отсылает к *центру* власти, второе — к ее *западной* ориентации. Именно на этом фоне актуализирована принципиальная дифференциация теоретических и в особенности массовых представлений: в массовом сознании тема технически совершенной и успешно конкурирующей в мировом пространстве «восточной цивилизации» контрастирует с темой жесткого нарастающего проникновения осваивающей и присваивающей «восточной силы». В этой ситуации *евразийство* должно показать конструктивную идейную и политико-технологическую значимость: *евразийская* идея претендует на то, чтобы быть *геополитической* (именно это выходит на первое место в *неоевразийстве*) — быть идеей о *мире евразийских сообществ*, поэтому нужно реально представлять не только *содействие*, но

и *противодействие* сил на постсоветском и мировом евразийском пространстве. Власть — это соотношение сил-государств, стремящихся к утверждению.

Евразийство — особое событие мысли.

Нужно иметь дело с проявлением *самой вещи* — «евразийская истина» должна быть понята в ее событийности и соотносима не с чем иным, как с ней самой: существует реальное как таковое. Проективная мысль модерна оказывается под теоретическим и массовым подозрением: требование *настоящего* состоит в развенчании или удержании под подозрением непрерывного производства смысла (Ж.-Л. Нанси). Вполне актуально в символическом смысловом пространстве существует *феномен евразийства* — особого рода «автономная монада» смысла, точка стяженности целой серии смысловых построений. Внутри евразийства пересекаются различные идеологии — вполне возможными в евразийском контексте становятся, казалось бы, несовместимые смыслообразы и концепты. И если сами евразийцы говорили о евразийской правде как о «правде вопросов» (Л.П. Карсавин), то встает проблема ответов: какие из вопросов способны вызывать соответствующие современности ответы? В отношении к событию смысла евразийства можно сказать, прежде всего, что тема *транснациональных корпораций* вытесняется темой *транснациональной идеи*. Это принципиально значимая для современности *позитивная* стратегия сборки социума — она противостоит *негативным* стратегиям сборки, наиболее радикальный деструктивный пример которой — *постмодернистский терроризм*.

В основе актуальности евразийского текста — *органическое* мировосприятие, вновь актуализируемое в ситуации «экологического поворота» и экософии. Здесь евразийство сближается с идеями *русского космизма* — именно в плане понимания соответствий бытия природы и существования человека. Евразийское понятие *месторазвития* содержит в себе космическую вертикаль в смысле понимания положения человека в космосе. Месторазвитие при всей его укорененности в жизненном ландшафте как бы *атопично*: можно говорить о *настроенном* пространстве. Оно как бы не познается, не ощущается, но изначально опознается. След этого восприятия сохраняется в любых конкретных топосах. В плане рефлексии взаимо-

действие «метафор места» создает особого рода «топологическую метафизику» — в этом смысле тема события соотносима с темой «*герменевтики России*». Будто бы именно в этой связи задал вопрос космист Н.Ф. Федоров: «Евразийская Империя не должна ли называться *Небесно-земною?*» Евразийство содержит в себе экзистенциальную компоненту: она должна быть учитываема не только в пределах религиозного понимания евразийской идеи.

Отличие космизма и евразийства состоит в различном выборе партнеров — даже в разработке идеи воскрешения космисты в большей степени ориентированы на «научный Запад». Но близость космизма и евразийства не только в их проективности — космисты и евразийцы создают особого рода рефлексивное *письмо*. *Письмо* — процесс производства смыслов, процесс и послание сорасполагаются в одном символическом пространстве. Именно *письмо* предстает как место встречи образа и проекта. При анализе современной евразийской ситуации необходим учет всей традиции понимания: в письме соотнесены религиозные идеи и проективная мысль, образы и идеи философии, естественнонаучные взгляды, проза и поэзия («всякая литература *проективна*»). Идеи вплетены в литературу и, в свою очередь, изложены прозаически или поэтически («космопоэтика»).

А.Л. Чижевский высказывался вполне определенно о том, что процесс развития органического мира не является процессом самостоятельным, автохтонным, замкнутым в самом себе, а представляет собой результат действия земных и космических факторов, из которых вторые являются главнейшими, так как они обуславливают состояние земной среды. Отдаленнейшим недрам Вселенной может быть уподоблено ближайшее — *тело, бессознательное, ландшафт*. Действенность образов и проектов космизма состоит в направленности мысли на земной и космический универсум, точнее на сферу их «сорасположенности». Событие мысли предстает как особого рода «посредник» между мирами.

Непосредственная проекция космизма в практику, не находя места и времени для воплощения, оказывается чаще всего утопической: *космический соблазн* может быть уподоблен *евразийскому соблазну*. Но самим фактом существования космизм свидетельствует о бытийной обращенности мысли. Выражением ориентации

выступает мышление в его органопроективном смысле — том измерении сознания, где оно соединяет проект и событие. Способен же быть проект событием лишь тогда, когда содержит в себе телесно-предметные интуиции. И если учение евразийцев непосредственно было связано с осмыслением последствий русской революции, то сегодня опыт евразийцев может быть применен именно при понимании природы и следствий «информационной революции», принципиальным образом действующей поверх традиционных социальных субъектов.

В такой космической проекции евразийство не является чем-то односторонне и однозначно определяемым: проецируемый в сферу социальной физики *проект* оказывается далеко отстоящим от исходного замысла — *проект* сближается с *утопией*, что на следующем витке обращений способно порождать отрицания в виде *антиутопии*, а в перспективе выходит за пределы противопоставлений в постутопии. И чтобы привести к единству и согласию разрозненные и даже враждебные элементы, необходимо каждому определить особое назначение, ввести его в определенное положительное отношение ко всем другим — иными словами, надо не просто соединить все, но соединить все в определенной положительной форме.

Евразийство, если угодно, заимствует космическую идею органической целостности: это целостность не *операциональная*, а *онтологическая*, хотя по-разному содержательно понимаемая. Отрицаемая космистами *органодеекция* как принцип искусства и жизни строится на фиксации внимания на самодостаточных частях и деталях; природа же возвышаемой космистами *органопроекции* иная — быть мыслью-событием, где все действия, все явления и события и все существа становятся сознательными членами своего носителя, осуществителями поставленных им перед собой задач. Космизм выступает как предельное событие мысли. Но это именно *космическая* идея: в ней бытийно присутствует «числовое измерение» — *структурность*.

Космизм и евразийство сходятся в пространстве топологически ориентированной мысли. Это предопределяет формирование специфической *топологики*, что дает возможность представлять фрагментарный мир в соотносительном единстве. И здесь *органическая* компонента мысли евразийцев совмещается с темой

структуризации — именно в этом пространстве соотнесения вырастает самая значимая для евразийской мысли позиция.

С точки зрения евразийцев, Европа и ее ценности могут быть поняты как особая инстанция «идейного банка», дающего «в рост» заложенные в нем идеи и ценности. Евразийский материал изначально не укладывался в «хранилища Запада»: в соответствии с евразийством должно быть начато другое идейное и духовное *производство*. Именно метафизически понимаемое место порождает представление о производстве «социального тела» — при этом географическая компонента производства является значимой, но не определяющей — в отношении к ней выстраиваются другие топологические характеристики.

Традиционные для отечественной мысли темы *упорядоченности* и *соотнесенности* соотнесены именно с темой *органичности*. В связи с этим нужно еще раз поднять тему *славянского структуриализма*, где структура понята как «живая традиция» (Ян Мукаржовский).

Продолжена традиция, идущая от Вильгельма Гумбольдта, согласно которой язык можно сравнивать с искусством, поскольку то и другое стремятся в чувственной форме изобразить *невидимое*. Центральным структурным звеном произведения искусства как знака является *эстетический объект*, существующий в коллективном сознании. В отношении к «эстетическому объекту» произведение, как чувственно воспринимаемая данность («произведение-вещь»), выступает в роли аттрактирующего «внешнего символа». Таким образом, каждое произведение представляет собой «автономный знак», который слагается: 1) из произведения-вещи, функционирующего как чувственно воспринимаемый символ; 2) эстетического объекта, принадлежащего коллективному сознанию и функционирующего как значение; 3) отношения к обозначаемой вещи, направленного на весь целостный контекст социальных феноменов (наука, философия, вера, экономика, политика, религия и т. п.). Рефлексии подвергаются отдельные восприятия и весь контекст ценностей в целом — собственно рефлексия и делает субъективность субъективностью. Произведение не утверждает реальное существование явлений, оно упорядочивает их, строит отношения между ними, определяет взгляд на мир — на систему

жизненного опыта субъекта. К произведению некорректно прилагать *гносеологические* критерии истинности — знак в эстетической функции является как бы *самообозначающим*. Представляет состояние сознания и его рефлексию не только в пространстве эстетического, но и во всем ценностном пространстве социума, включая философию. Ибо эстетическая функция противостоит другим как автономная («функциональность в отношении к самой себе») — как бы возвращает сознание к сознанию.

Таким образом, субъективность как бы приобретает свойства продуктивного воображения («необъяснимое представление воображения») и не может быть сведена к определению в понятии. И эффект эстетического отношения («видение») в своей целостности не сводим к сущностному определению («никакой язык не в состоянии полностью достигнуть его и сделать его понятным») [5, с. 330, 363]. Новым является изменение понимания процесса порождения смысла: значение начинает «двигаться» не только в пространстве собственно эстетического контекста или собственного социального контекста — движение значения осуществляется по разным, но обязательно соотносящимся смысловым траекториям, причем при этом осуществляется постоянное самоосознающее рефлексивное усилие.

Форма, значение и субъективность сведены в одном рефлексивном усилии. Ведь «слово» выполняет функцию «архетипа культуры», где сконцентрированы все потенциальные наполнения и исполнения искусства. Архетипика придает субъективности необходимый статус онтологичности — речь может идти о новой «несубстанциалистской онтологии». Субъективность, можно сказать, не только производится, но и «производит» — в ее действие включены не только символические разметки смысла, но и предметные данности различных и разнообразных мест. Отметим, что для словацкого структурализма характерно стремление быть *методологией науки*, являясь в то же время методологией отдельных дисциплин — лингвистики, эстетики, литературо- и театроведения, теории живописи. Выступая с программой научного синтеза, словацкий структурализм реализовал тезис о единстве науки и создал общий *метаязык* гуманитарного знания.

Создаваемая евразийцами лингвистическая методология может быть названа особого рода

топологической рефлексией — в ней совмещены два несовместимых метода: внутри себя язык описывается как дифференциальная структура, а в своих взаимоотношениях с другими языками — как самобытная «органическая» личность. Так евразийские лингвисты сохранили традицию романтической гуманизации культуры на макроуровне межъязыковых процессов. Именно в лингвистике была выработана эпохальная познавательная модель, ценность которой далеко не исчерпана, — структурный метод описания культурных систем (С. Зенкин).

Представителями Пражского кружка, в который в разное время входили российские ученые Р. Якобсон, Н.С. Трубецкой, П.Г. Богатырев, был создан *структурный метод* в лингвистике, литературоведении, фольклористике, эстетике. В известном смысле эту позицию выражает термин «онтологический структурализм»: существует содержательное наполнение структурных целостностей — именно с ним нужно считаться при рассмотрении любого культурного феномена. Например, евразийские языки, по Якобсону, характеризуются *смыслоразличительным соотношением* твердых и мягких согласных, т. е. не просто тем, что в них имеются звуки, скажем, [л] и [ль], а тем, что эти звуки используются для различения слов, т. е. могут быть вычленены как *структура*. Замечательный, парадоксальный факт: исследование абстрактных структур используется для того, чтобы подтвердить существование Евразии — объекта совершенно иного по природе, «внутренне полного», субстанциально-органического (С. Зенкин). Особенность взгляда состоит именно в совмещении позиций понимания *бытия и структурности*.

Речь идет о необходимой структурной обусловленности бытия и существования — отсутствие такой обусловленности делает совершенно мифологизированной идею независимости в пространстве действительных центров силы.

Евразийский смысл — это самоуглубляющаяся структура соотношений: целостность является результатом взаимодействий, глубинно фундированных топосом. Структура сложилась и продолжает складываться — формирует общий характер смысла: взаимодействие. Так понимаемая структура имеет двойную обращенность — субстанциальную и операциональную. Она одновременно онтологична и дифференциальна, исторична и универсальна.

Органическая телесность переплавлена в духе или истории: осуществляется последовательная серия переводов — переводов не только с языка на язык, но и с языка на мир и с мира на язык. Мир говорит на множестве языков и мир же соединяет их, будучи сам соединенным в языках. Языки дружественно произрастают из мира и вырастают в него — мир ждет поименования: язык, как «структура оригинала», предписывает миру порядок. Мир вызывает к себе навстречу разные языки.

Евразийство, как событие мысли, обращает к себе множественность родственных языковых высказываний: создается совместное языковое производство, в котором и посредством которого символически оформлена идентификация. Это особое событие смысла между онтологией и символическим поименованием. У евразийского мира как бы уже изначально *есть* собственный язык — он есть не только в *символическом*, но присутствует в самой первичной интуиции пространства. И евразийская лингвистика отдавала предпочтение именно благоприобретенным сходствам между языками и культурами — структурно предрасположенные к *встрече-переводу* языки сближаются между собой и объединяются в языковые союзы.

Именно таково должно быть и существование *сообществ* — речь идет не столько о генетически устанавливаемом источнике силы, сколько о ее перераспределении. «Евразийская доминанта» удерживает сознание в состоянии захваченности одной мыслью или желанием — все остальные побуждения, способные противодействовать одному из множества побуждений или хотя бы ослаблять его в «нормальном» состоянии, доминанту активно усиливают. Именно тема аффективной захваченности героя мыслью, желанием или действием метафизически предшествует физиологической теории доминанты — создатель теории доминанты А.А. Ухтомский испытал влияние идей Ф.М. Достоевского.

Структура органически фундирована — она не только завершенное произведение, но и постоянное воспроизведение *жизни*, которое не может быть завершено. Месторазвитие — структурно, а структура — онтологична. И структура приобретает онтологические характеристики — именно становится обустройством

места, которое уже «показывает» себя в *пред-*понимании. Субъективность сформирована в определенном месте — места *сорасположены* во времени как функциональные, но обладающие автономностью ряды культуры. Внутри себя структура противоречива и энергетически напряжена, а в отношении к месту жизни она синергийно наполнена. Именно создаваемая функциональной синергией структура делает принципиально значимым именно *место* действия. «Евразийская субъективность», следует снова сказать, производится и производит — включены не только символические разметки смысла, но и предметные — *вещные* — данности различных и разнообразных мест. Евразия выступает как особое смысловое и бытийное образование — это объединения равноправных народов, связанных одним географическим ареалом, общей исторической судьбой и культурными перекличками. Действуют особого рода государства-материки, они выступают как образования особого рода.

Мир российской евразийской современности различен и противоречив, но до известной степени организован как целое, хотя бы в том смысле, что испытывает общие потрясения и переживает общие опасности экологических, антропологических и гуманитарных катастроф. Несомненно, сейчас еще присутствуют ценности *социальной памяти* в общем переживании совместных испытаний (война, совместное участие в боевых действиях, стройки социализма, помощь при экологических катастрофах, совместная учеба и служба в армии, совместные браки, контакты интеллектуалов). Существует устойчивая традиция понимания образов евразийства как «позитивного национализма» всех народов Евразии, вкладывающих свои силы в общее дело образования общего пространства существования. Эксперты современного системного кризиса все более осознают: именно *социально-политическая стабильность* становится самостоятельной ценностью, поскольку в условиях политического кризиса и социальных потрясений никаких системных антикризисных мер принять невозможно.

Каков *этнос* евразийского сотрудничества — на чем сегодня основывается специфическая евразийская *этика сотрудничества* и каковы принципы ее обоснований? На чем строится логика *евразийской всеобщности* сегодня?

На этом фоне встает вопрос: наличествует в современном евразийском пространстве особого рода *телос*, позволяющий говорить о возможной направленности процессов и способах их рационального понимания и прогностики? И может ли быть установлен *субъект* идентификации, ведь глобализация оказывается процессом, вызванным к жизни особой внутренней логикой развития рынка, финансов, т. е. безличных *структур*?

Глобальная культура исторически неглубока, беспамятна, основана на «исполнительном дискурсе» повседневной практики, она демифологизирована, ценностно-нейтральна и лишена традиций в отличие от прошлых культур, которые строились вокруг общих, в том числе *евразийских*, воспоминаний, традиций, мифов, архетипов и символов, поэтому она не отвечает живым потребностям людей и не создает воспоминаний. Но человек существует в традиции места и времени: культура пространства Евразии включает в себя архетипически близкие образы жизни. Идентификация может осуществляться именно в соотношении с фондом социальной памяти. В ситуации формирующегося евразийского мира необходимо говорить о динамике непрекращающегося *самоопределения*, постоянного обновления идентичности. Можно говорить о доминанте *ситуативно-инструментальной* актуализации идентичностей — *гражданской, религиозной, профессиональной, гендерной, возрастной, этнокультурной*. Особое значение в ходе глобализации культуры приобретает процесс *этнокультурной идентификации*.

Какими предстают в этом контексте идеи «российского евразийства»?

Во-первых, евразийски ориентированное сознание стремится вернуть России национальное достоинство, избавить от повышенной гипнабельности посредством обращения к пониманию устойчивых образов, структур и ценностей существования.

Во-вторых, многозначность идей евразийцев формирует соответствующую современности многовекторность российской политики и культуры.

В-третьих, евразийство — и по многим позициям неоевразийство — отстаивает продуктивную и проверенную на собственном опыте

идею равноправности различных культур, цивилизаций, конфессий и наций. Евразийство предлагает конструктивные идеи интеграции современного мира, исходя из соответствующей социально-онтологической *методологии*.

Евразийцы стремились учесть в своих построениях не только *разумно-рассудочные*, но и *бессознательные* компоненты существования. В качестве таковой может выступить *философия события*, имеющая топологическую соотнесенность с евразийской *персонологией*. Евразийское пространство представляет собой особо «уплотненный» мир — (пост)современная «картина мира» строится на идеях исчезновения человечества как *коллективного субъекта*, непереводимости и несовместимости многообразных языковых и поведенческих программ и дискурсов — это во многом напоминает исходные конституирующие идеи евразийцев.

В уплотненном жизненном пространстве суть интеграционных и идентификационных процессов выражается в терминах: «*интенсификация*» (трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей), «слияние», «интеграция» (национальных экономик в единую общемировую систему), «рост взаимозависимости» (национальных экономик и политических систем государств), возникновение «единого информационного пространства», «рост согласованности действий» в самых разных сферах жизнедеятельности человека. Поэтому с точки зрения евразийской теории нужно говорить о *постглобализации*, где происходит *выход* за глобальный порядок. Процессы идентификации должны учитывать разные аспекты — нужно выйти за пределы «экономического детерминизма» в пространство *информационного, коммуникационно-технологического, экологического взаимодействия, рабочей кооперации*. Правомерным будет выделение сфер *экономической, правовой, демографической, политической, экологической, культурной интеграции*. Существуют *военный* аспект проблемы взаимодействий и *эпидемиологическая интеграция*. Евразийское течение восстанавливает космоорганическую метафизику понимания мира, развивая соответствующую топологическую рефлексию и культурную антропологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Барт, Р.** От произведения к тексту [Текст] / Р. Барт // Избр. работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
2. **Деррида, Ж.** Письмо и различие [Текст] / Ж. Деррида; пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М., 2000.
3. **Серио, П.** Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–1930 гг. [Текст] / П. Серио. – М., 2001.
4. **Дэвэджич, Я.** О метафизике геополитического предприятия «Космет» [Текст] / Я. Дэвэджич // Запад или человечество? Историософия балканского конфликта. – СПб., 2000.
5. **Кант, И.** Сочинения [Текст]. В 6 т. Т. 5 / И. Кант. – М., 1966.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ГРЯКАЛОВ Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований философии современности Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, член Союза писателей России.

191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
alexagr@mail.ru

GRYAKALOV Alexey A. – Russian State Pedagogical University.
191186, Moika, 48, St. Petersburg, Russia
alexagr@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013